

«Все дело в том, что мы постоянно отправляемся в путешествие, которое закончилось за секунду до того, как мы успели выехать»

В. Пелевин

Щелчок, сор помех и привычный голос: «...Прибывает в 11.00. Повторю: (помехи)... в 11.00». И тут же кому-то: «Помой огурчик, сольку достань и в шкафчике там глянь еще...». Щелчок и все!

Опять не разобрать номер маршрута в шуме. На информационном табло реклама детской присыпки. Пассажиры вертят головами, прозревая лениво маршруты собственной судьбы.

Пустили популярную музыку:

Поезд идет на небо,

Поезд идет на небо,

Там камни становятся хлебом...

Капризничает тромбон, гитара кашляет и брякает музыкальный треугольник. Эта песня всем осточертела. Скорей бы любая другая оказалась популярной. Все ждут новую музыку.

Саша открыл глаза. Вытянул ноги, повертел кедами, как головой. Тело пекло, как после драки. За губами липко и горячо.

Папа спал, прижавшись к Саше. Его губы блестели. Они были синими и в крупных трещинах. Будто пересохшие реки или шрамы от лезвия. Это насторожило. Саша раньше таких его губ не замечал.

— Просыпайся, папа.

Складка у глаза старика затрепетала. Саша увидел детские рисунки фломастером на папином лице. От серебряного виска до ржавого подбородка — грязные знаки, выполненные грязными детьми.

Взрослые вокруг заёрзали, зашелестели, а маленькие заплакали. То сухо, то мокро прокашлялись старики.

— Тебя опять изрисовали, папа.

Старик вращал желтыми глазами и зевал. В его пустой рот так и не вставили зубы по страховке. Папа все ждал квоту.

По рассказам, он работал грузчиком на сахарном заводе. (Работа тяжелая, не столько работа, сколько труд). На сахарном заводе дышат сахаром, приторным

воздухом. От него воротники рубы к концу смены липкие, но не в этом беда. Хуже то, что через пару лет зубная эмаль вытирается до корней. Старые грузчики беззубые. Пустой папин рот доказывает, что существует жизнь за вокзалом. Единственное, в общем-то, доказательство, удовлетворяющее Сашу.

Солнечный свет с безоблачного неба оседал на плитку сквозь большие вокзальные окна. Они показывали надоевший пейзаж: влажное от ночного дождя поле не то недавно засеянное, не то на днях убранное, и сухая трава у его края. Вдали — плешивая посадка. К ней тянется грунтовая дорога. Вдоль дороги — столбы. Деревья посадки гнутся от ветра. Птица парит над полем и никогда не приближается к вокзалу, только смотрит, не поворачивая головы.

Папа икнул два раза и позволил руке, державшей клетчатую сумку, разжаться. Белые пальцы мгновенно заполнились кровью. Старик провел рукой по ризунку на лице, вязко плюнул на ладонь и провел еще. Рисунок размазался и испачкал пальцы.

Саша почувствовал, как то там, то тут, в складках, разливается кожа. Желудок требовал: «жрать!» Захотелось в туалет и хорошенько вытянуться, но нагретая скамейка с дырявой обивкой еще долго держала за джинсы. Саша размял шею, рассматривая ожившую напротив семью. Девочка стянула свитер, надетый бессознательно во сне, и устало вздохнула.

Саша тяжело глотнул. Чему-то засмеялся папа, а потом закашлялся. Кожа у его глаз стала цветом, как обожжённый язык.

Мокрая тряпка шлепнулась на плитку и поплыла за горбатой старухой с ведром. Подскакивая за сонной блондинкой, покатился чемодан. Запахло хранившимся в тепле мясом. Бородатый дядька у киоска выругался, чихнув.

Так в зале ожидания железнодорожного вокзала наступило утро.

Щелчок, сор помех, голос: «Поезд... (помехи)... задерживается. Повторю: поезд... (помехи)... задерживается на неопределенное время». В сторону: «Сильный был мужчина, но жмот...». Щелчок.

Несколько рекламных блоков (детские игрушки и одежда), а потом опять та же песня, едва-едва утихшая недавно.

Саша оставил вещи на отце и пошел освежаться. Засыпая, он думал, что у природы — июль, но теперь почему-то казалось — осень. Прибывшие ночью на вокзал армяне мяли в руках дубленки. У проезжающих поездов окна закрыты и завешены. Иногда на стеклах собираются капли дождя. Осень, точно осень. Не раньше ноября.

На улицу Саша не выходил дней четыреста. Там нечего делать и дорого это. С одной стороны — поле, а с другой — лес. Между ними — железная дорога. На горизонте — забор, как нарисованный. Стрела крана над ним никогда не действует. Вокруг вокзала — битое стекло, окурки, презервативы и разорванные кеды поодиночке.

Нечего там делать на улице.

Саша помнил, что в нежном возрасте он поссорился с отцом, украл деньги и убежал. Скакал по полю, пока ни рухнул на чернозем. На вокзал вернулся без ботинок. Их земля отобрала. Было жалко денег, заплаченных за выход охраннику. И стыдно было.

Туалетная очередь растянулась до очереди у касс. Вместе они образовывали изогнутый крест.

Кассы закрыты. На окошке — листок с надписью: «Перерыв 40 минут». Саша не смог припомнить, чтобы он когда-то заканчивался. Но если есть в кармане билет, думал Саша, то были и кассы однажды открытыми. Видимо, просто следует подождать.

— Саша! — позвал Никита из середины очереди. — Иди! Я занял место.

Никита самый высокий человек в очереди. За место в очереди Саша делился с Никитой сигаретами и слушал его вымыслы об отношениях с женщинами. Истории эти бесконечно повторялись и даже случались самопародии.

Разговоры в очереди тоже не радовали разнообразием. Вначале жаловались на ночной грабеж. (Воры выучились таскать деньги даже из бюстгальтеров). Потом пассажиры заполняли реестр слухов:

«Сегодня, говорят, 106-й прибывает»

«Откуда знаешь?»

«Люди говорят. А еще сказали, что плата за туалет увеличится — вот так. Такие порядки теперь. И еще запретят собираться больше шестерых».

«Не беда. Главное, чтобы зал ожидания под иностранцев не отдали. Понаехали, блин».

Саша давно уже не позволял себе надеяться утром, когда у зарождающегося дня еще есть смысл. Ясно, что поезд придет, но не в тот день, когда об этом «говорят люди». Он явится внезапно, как рассвет. Когда надежды никакой не останется, когда она высохнет вовсе.

Саша вытащил из нагрудного кармана билет в целлофановом кулечке. Он вытерся, выгорел, но номер поезда «17» остался. Куда идет этот поезд, Саша не пытался понять. Он давно решил, что прежде его следует дожидаться.

Саша — тактик, а не стратег. Главное — занять свою полку, а там видно будет.

— Вот скажи мне: где они деньги берут? — спросил Никита.

Обходя очередь, в туалет прошли двое парней и симпатичная девушка. Все они были в белых футболках. Девушка на ходу расчесывала длинные волосы, склонив голову. Великолепные люди со второго этажа. Ручная божья работа. Идут неторопливо, ни на кого не смотрят, у них мягкие брючки и кожа на шее розовая в молочных пятнах. Деньги позволяют не суетиться; с деньгами можно поезд ждать спокойно, до самой смерти.

— Деньги ни откуда не берутся и никуда не деваются, — процедил кто-то из-за спины стариковским голосом, но Саша и Никита не обернулись.

Их только тронь, стариков этих — до обеда не отвяжешься.

Никита стал рассказывать про знакомую проститутку и ее клиентов. О подробностях их любви в туалете он знал многое. Использовал прилагательные и

показывал на пальцах. Саша не вслушивался. Зевая, он размышлял о природе выбора, о том, что совершает преступление, просиживая лучшие годы на вокзале. Преступление против жизни как таковой.

Поезд придет — это понятно. (Иначе бы его никто не ждал). Другое дело: когда он придет? «Ждать — это нравственно?» — спрашивал себя Саша и отвечал: «нет». Он гордился собой, задаваясь подобными вопросами. Ему казалось, что Никита, например, такими вопросами совсем не озабочен, и живет он беспутно, по-обывательски.

Саша вспомнил, что не был в книжном киоске дня три. Слишком развязная жизнь. Он решил не допускать подобной расслабленности.

И еще: он опять не смог сосчитать дни. Это всегда жутко, как чужие рассказы о собственном лунатизме.

Проследив за взглядом Никиты, Саша заметил незнакомую бабушку в шелестящем плаще. Её лицо ассиметрично, руки по швам; шагает маршем и не бережет больше сил. Не оборачивается на окрики.

Она идет.

Ноздри на мягком лице заострились. Эта она стояла за спиной у Саши и Никиты и что-то бурчала, а теперь вот идёт.

Она облысела на пол головы и едва волочет полные ноги. Ветхая и выгоревшая, как старая штора.

Её торжественное шествие тронуло Сашу. Он не мог привыкнуть к обреченности уходящих. Поразительны их лица: нет сопротивления, одна покорность.

И вот она стала работать руками, чуть завалилась вперед, опустила голову и набрала скорость. Миг и она у двери: «Запасной выход». Дверь открылась, обреченная шагнула, дверь захлопнулась. Все. Ушел пассажир навсегда.

Её прежние подружки отошли к закрытому справочному бюро, и очередь подтянулась. Саша подумал, что умирая, старики освобождают место для молодых. А когда умирают молодые — остается пустота. Ранняя смерть всегда напрасна.

Саша не видел, как уходят молодые, но боялся, что однажды уходить придется ему. Что их толкает к «Запасному выходу»? Почему нельзя договориться и остаться ждать поезда? Всегда ответов меньше, чем вопросов.

Щелчок, сор помех, голос: «Поезд... (помехи)... отменен. Повторяю: поезд... (помехи)... отменен до завтрашнего дня». В сторону: «Как говорится: береги платье смолоду и не сдохни с голоду». Щелчок.

Саша попытался вспомнить свой возраст. Папа говорил, что шестнадцать, но так он говорил и два года назад. На груди у Саши выросли волосы, и джинсы стали малы.

— А что, если поезд сегодня прибудет? — перебил его мысли Никита.

— А что, если и сегодня не будет его? — переиначил Саша. — Что, если не будет и сегодня поезда, Никит? Это значит, что прожит очередной бессмысленный день. Бессмысленный, Никит! Как слово на несуществующем языке.

Вода в туалете была ледяной, но Саша разделся до пояса и яростно вымылся. Никита лишь протер глаза пальцами и прополоскал рот.

Щелчок и голос:

«Поезд номер 123 проходит без остановки. Повторяю: (помехи)... без остановки». В сторону, кому-то: «Молодой — он везде молодой, подруга».

Щелчок.

На миг притихшие пассажиры опять заговорили. Реклама товаров для школьников была повторена три раза. «Однозначно осень», — определился Саша.

Теперь он стоял в очереди за говяжьим беляшом и кофе; рассматривал людей у банкомата. Их было чрезвычайно много. А значит шестнадцатое число — пенсия. Вопрос: «какого месяца шестнадцатое число?» беспокоил, как зубная боль.

В желудке припадочно ухало, но тетка в дутой куртке смотрела на продавщицу поверх очков и выбирала из вокзального разнообразия товаров неторопливо. Есть такое призвание — очередь стопорить.

— Сосиску в тесте или котлету? — размышляла она вслух.

«Конечно сосиску, — думал Саша. — Котлеты у них с опилками».

Красивая продавщица с красными веками слушала песню, опять ту самую. Было заметно, что песня продавщице мила и что покупатели её отвлекают. Посидеть бы в одиночестве, чтобы не видеть эти руки с монетками — вот оно счастье.

Саше было известно, что она ночует в палатке, прямо на перевернутых упаковках с водой. Видимо, у нее не было дома и семьи. Красивая, но одинокая.

«Ничего красота не значит», — решил Саша и пересчитал деньги: два стаканчика кофе и два пирожка с картошкой. А хочется вообще-то с повидлом.

— Милочка, скажи мне: в чем дело? Я утречком отстояла в соседнюю палатку, купила там кофейку и булочку с маком — вышло девяносто три. А у вас, те же кофеек и булочка — семьдесят пять?

— Откуда я знаю?

— Может у вас кофеек плохой?

— Он везде одинаковый. Не задерживайте, женщина.

— Не ругайся, милочка. Просто любопытно: товары одинаковые, киоски одинаковые, а цены разные. Почему так?

А никто бы не сумел это объяснить. Саша и не забивал этим голову. Зачем тратить силы на холостые мысли? Это как сделать зарядку и лечь досыпать.

Папа дремал, прижимая сумку к груди. Саша разбудил его и накормил. Старик не удержал горячий кофе губами и испачкал воротник голубой рубашки. Голубой, как глаза старика.

— Молодой человек, — услышал Саша.

Произнося эту фразу, важно не сфальшивить. Сделать ударение сразу на все звуки в каждом слове и, все же, в начале фразы взметнуться к потолку: «Молодой человек!»

Саша ответил вежливым приветствием.

Ментов было трое. Два парня и девушка — младший сержант. Парни были молодцеватые, с крупными носами. А девушка — низкорослая, утрамбованная как-то в форму целиком. Казалось, что её брюки вот-вот треснут. На ее лице застыла улыбка.

— Когда поезд, молодые люди? — спросила она.

Саша глянул на засыпающего без присмотра папу. Он держал слабой рукой булку и дрожал, как мокрый кот на крыше.

— Ждем, — ответил неопределённо Саша. — А в чем собственно дело?

Менты переглянулись, как люди с одним на всех секретом.

— Кражи на вокзале участились. Вот, проверяем.

— У нас тоже воруют иногда. Думаю, это пацаны, которые вечером у туалета тусуются. Или уголовники. Эти милостыню просят у часовни. Сходите — проверьте их.

— Мы-то проверим, — заверил женский мент. — А вы сами, чем зарабатываете?

В будние дни Саша собирал больным детям, а в выходные и праздничные — вымирающим животным. «Какой сегодня день?» — подумал Саша, вытаскивая из сумки жертвенный ящик.

— Предъявите документы и билет. — Ментовские голоса становились легитимнее, а Саша все возился с ящиком.

Папа уронил паспорт в унитаз много дней назад. Билеты стерты и напоминают портянку. Только ящик и можно показать.

Наконец-то справившись, Саша объяснил:

— Вот. Я пожертвования собираю. Деткам (на ящик был приклеен плакат с лысым синеватым ребенком) и животным.

— Животным? По каким дням животным?

— Животным — в выходные и праздники. — Саша перевернул коробку другой стороной и на ментов взглянул пудель с червивой язвой на шее.

Однажды Саша перепутал дни, и им заинтересовалось руководство автовокзала, упрекая Сашу в мошенничестве. Пришли два мужика в свитерах и отобрали деньги. И еще дали позорный подзатыльник. Весь зал ожидания видел Сашино унижение.

Внимание администрации дорого стоит.

— А сегодня какой день? — спросил мужской мент.

— Четверг, — ответил Саша и поймал за плечо уснувшего папу.

— Среда сегодня! Следить за днями нужно, парень! Какое беспечное поколение. Инфантильность... Ладно. Работайте. Пока.

Они двинулись навстречу директору автовокзала. Тот, как всегда, шел из неоткуда к двери с табличкой: «Администрация».

С ним были его «ребята» — крупные мужики с густыми волосами и черными бровями. Они никогда не застегивали куртки и пальто. Чаще всего «ребята» двигались свиньей. Один из «ребят», полноватый дядька с бородкой, ухаживал

за продавщицей из киоска. Они перешептывались, склоняясь над шавермой и зефиром. Иногда ходили к туалету курить.

Саша завидовал их отношениям. Он еще не ухаживал за девушками.

Впрочем, Саша заметил, что несмотря на ухаживания, продавщица все равно одинокая. Одиночество не утаишь.

Директор автовокзала дернул одного из мужских ментов за бушлат и что-то шепнул. Мент кивнул и отошел. Заметив голубей, бродивших деловито под информационными плакатами, он грозно притопнул. Голуби отпрыгнули, а не отлетели. Привыкли к имитации злобы и крылья распускать им лень. Впрочем, птицам положено быть смелыми и ленивыми.

Саша нацепил жертвенный ящик и начал обход: от лестницы на нулевой этаж к туалету, а потом к кассам, далее по кругу и на второй этаж. Окончание рабочего дня у часовни. Там подают скупое из-за высокой конкуренции, но никуда не денешься — сам Бог велел там стоять. В день Саша обязан собирать не меньше тысячи. Если меньше, то заберут ящик. Все лишнее можно оставить за труды — это то, что называется «заработная плата».

Щелчок, сор помех, голос: «Поезд... (помехи)... без остановки. Повторяю: поезд... (помехи)... проследует без остановки». В сторону: «Шутить не надо, а то не поймут». Щелчок.

В этот день Саше совали мелочь скупое. Видимо, все дело в духоте.

Между делом Саша поглядывал на оставленного папу. Тот рылся в сумке, опустив в нее голову. Духота нарастала, к привычному запаху человеческого пота подмешивался новый аромат — дезинфекция.

Менты повели сонного бомжа на нулевой этаж, в комнату охраны. Оттуда никто не возвращается. Сашу когда-то обыскивали там, но не в самой комнате, а у порога. По глупости он украл в дорогом киоске консервы и быстро их съел. Во время обыска даже следов масла не нашли.

Чудесное спасение Саша решил отметить и выпил водки с Никитой. Водку и пиво на вокзале продавать запрещено, но тихонько торгуют. Саша и Никита пили водку из пластиковой бутылочки возле туалета. Там всегда вечером собирается вокзальная молодежь. Раньше — ради алкоголя, а теперь — ради наркотиков. И просто — музыку послушать.

Наконец-то все — и больные, и здоровые, и молодые, и старые, и тихие и шумные — засуетились в зале ожидания. Ожил человеческий рой.

У игрового автомата с мягкими игрушками ревел парень. Все деньги просади и клял судьбу, правительство и какую-то Веру. Менты быстренько его скрутили и повели в комнату охраны.

Директор автовокзала вернулся из комнаты с табличкой «Администрация». В руках он нес изрисованный листок. Его «ребята» дежурили у входа. Молча охраняли путь для начальства, лишь изредка переглядываясь.

Получив монетку от угрюмого незнакомца, Саша поздоровался с продавщицей из книжного киоска. Это была женщина лет пятидесяти, в розовом свитере

крупной вязки, с термосом в руках. Она разрешала Саше тайком читать книги бесплатно, и Саша прочел все, что у нее было. Ни к кому он не испытывал такой благодарности. Святая просто.

— Сашенька, заходи вечером. У меня появилась для тебя новинка.

— Про что, Любовь Ивановна?

— Про то, как человек, самый обычный, как все мы, пережил серьезное потрясение в жизни. Как потрясение это повлияло на его дальнейшую жизнь. Хорошая книжка. Правдивая.

— Спасибо. Зайду вечером.

— Заходи обязательно, Саша.

Саша таскал ей пряники к чаю в знак благодарности. Он знал при этом, что имеет доступ к книгам просто так. Бывают великодушные люди.

Любовь Ивановна смелый и благородный человек. Быть может самый лучший на вокзале, но про «серьезное потрясение» Саша читать не любил. Ему нравились смешные книги, а не тоскливые.

Щелчок, голос:

«Поезд номер (помехи)... задерживается. Повторяю... (помехи)... задерживается». В сторону: «Вся жизнь впереди — напейся и спи». Щелчок.

Заревела новая реклама. Веселый девчоночий голос приглашал купить средство от прыщей. Саша нашел черный рубль под ногами. Осмотрелся, нагнулся и поднял. Положил, конечно, в карман, а не в жертвенный ящик.

В очереди к розетке стояли солдаты. У них был телефон один на всех. Они его беспрестанно заряжали, а разряжали тем, что играли в какую-то пищащую игру. Саша никогда не подходил к ним за пожертвованиями.

Пятеро стояли, а один с тонкой шеей им натирал носком ботинки. Стоящие солдаты щелкали семечки на пол. У них были белые аксельбанты, напоминающие кружевное бельё. Тот, что начищал ботинки, носил резиновые шлёпанцы. Этот солдат поднял голову и жалобно взглянул на Сашу, за что немедленно получил по лысой голове.

— Работай, братан! — скомандовал солдат с усиками.

Саша знал его. Этот дембель, который любил выпить вечерами и спеть под гитару:

«Поезд тащит дембеля к мамаше —

Простынями духи машут.

Будут водка и варенье,

Дай мне, господи, терпенья!»

Всем нравились песни дембеля. «Он поет душевно» — так о нем говорили.

У Саши же всегда становилось кисло в желудке, когда дембель кого-нибудь бил.

Например, дембель не любил цыган. Однажды целый табор (с детьми, женщинами и пуделем) он загнал на нулевой этаж к туалету и там гонял их по кругу, размахивая ремнем, как плеткой.

Вокруг смеялись. Кто-то, подыгрывая этому безумному хороводу на аккордеоне.

Дембель достал много водки, а пить ему нельзя, потому что у него контузия. Он потому и «дембельнулся» рано. Несчастный случай — взрыв бочки с бензином на укладке железной дороги. Никто, в общем-то, не виноват.

Солдаты тоже ночевали в зале ожидания, но Саша заметил только этого дембеля. Иногда Саше казалось, что всякий солдат, попадающийся на глаза, каким-то волшебным образом обретал внешность именно этого дембеля — сутулого пацана с усиками. Вот теперь ещё появился новый — тот, который начищал ботинки. Лысый, с белым точно в муке лицом.

Некоторое время мысли Саши были заняты призывом в армию. Он понимал, что его могут забрать в любую минуту. Чье место вакантно: в ботинках или у ботинок? «Суть альтернативы — подлость», — прочёл где-то Саша.

Щелчок, сор помех, голос: «Поезд... (помехи)... задерживается. Повторяю: поезд... (помехи)... задерживается до завтра». В сторону: «Бабу побитую проще любить, дорогая». Щелчок.

Глубоко вдохнув, как астматик (ремень ящика сдавливал грудь), Саша подошел к продавщице цветов.

Болоньевая куртка, глаза, полные мокрого электричества, белые морщинки на загорелых руках — прежде бывшая красавицей старушка. Саша жалел этого незаметного человека. Молчаливая, возможно, немая, она никогда не совала деньги в ящик потому, что никто не покупал у нее цветов. Поговаривали, будто она питается своими цветами и потому так замечательно пахнет.

Саше хотелось постоять вблизи роз. В это время обычно воняло кислым супом и затасканными меховыми ботинками. А здесь, рядом с цветущей старушкой, было свежо и поэтому как будто сказочно.

После, как всегда, Саша долго бродил у часовни. Внутри не заходил, опасаясь. Часовня — место на вокзале важное. Оно всем кажется собственным.

Как-то здесь у Саши случился неприятный разговор с местными бомжами. Они хотели его избить, а может и съесть. Саша перепугался. Он плакал от беспомощности, а бомжи дергали ящик и смеялись. Их было семеро. Теперь, когда Саша подрос, бомжи к нему не приставали. Иногда Саша говорил им:

— Шо, братва, не каледуеться? Кто может детишкам пожертвовать? А? Никто? Так и знал. Свалили тогда от входа.

Иногда бомжи что-то отвечали хриплыми голосами. Саша не вслушивался. Стоял ровно, не замечая их. Он боялся их, как и прежде, но упрямо заставлял себя скрывать страх.

Вот такая борьба была в его жизни.

А из часовни слышалось то, что называется «ангельским пением». Саша заглядывал внутрь и видел золотые иконы с печальными лицами святых. Он думал, что если папа воспользуется «запасным выходом», то придется молиться, как герой того фильма из телевизора.

Телевизор висел на втором этаже, куда не пускали, но если встать под лестницей, то все было видно. Название фильма никто не знал, но, сколько Саша себя помнил, столько фильм этот и показывали.

Еще Саша чувствовал, что этот бесконечный фильм плохой, хотя никаких других он не видел. В фильме показывали поезда и вокзал, и людей, спящих в зале ожидания. Все это не было похоже на жизнь совершенно.

Саша замечал, что этот фильм любят люди, которые не умеют находиться без дела и в одиночестве.

Прекратилась песня, включили рекламу средства от облысения.

Саша присел отдохнуть возле молодоженов. Они приехали будто вчера: такие же веселые, также жадно фотографируются, вытягивая в сторону руки. Саша не видел таких. Сейчас облизывают друг друга, а завтра пойдут в туалет с любовниками, заплатив бабе Наде сколько полагается.

Парочка, источая мед от счастья, сунула Саше в ящик несколько монет. Саша сказал им:

— Вы молодцы. Пусть в вашем купе не будет плачущих детей.

— Спасибо на добром слове, — ответила девушка и поцеловала мужа в щеку.

Тот наигранно поморщился.

Вдруг людской шум утих. Саша подбежал к окну, выходившему на перрон. Прибытие поезда не объявляли, но это ощущение не перепутаешь.

Прижавшись лицом к стеклу, Саша увидел блуждающего взад-вперед человека. Это был незнакомый парень в кожаной куртке. Саша не сразу сообразил, что кричит именно он.

Сделает два шага по платформе, остановится, кулаки сожмет и кричит. Крики короткие, будто от нерегулярных ударов током.

Из вокзальных дверей высыпали люди. Сперва самые проворные, те, кому больше всех нужно, а потом остальные, слабые и скромные. Девочка в белых колготках упала на коленку. Беременная мамаша тащила ее волоком.

— Дикари! — не выдержав, кирнул Саша.

На огромной скорости подошел поезд. Последний раз заревев, парень прыгнул на рельсы. Не останавливаясь, поезд проследовал мимо перрона.

Поезд убийца — такое бывает. Растрепанные люди медленно вернулись в зал ожидания. От парня на рельсах ничего не осталось, а может просто Саше не было видно.

К обеду Саша с привычным трепетом пошел к Сидору — старому ключнику, заметно прибавившему в весе благодаря Сашиним заказам. Рядом стояли иностранцы. Они всегда собирались у окон, переговариваясь шепотом. Кажется, это были японцы. Саша не боялся при них разговаривать с Сидором, к тому же, рекламу стали передавать громче. Рекламировали средство от импотенции.

Сидор вытаскивал ключи самозабвенно. Его лицо будто спало в гипнозе. Саше иногда казалось, что это не лицо, а искусно сделанная маска желтого цвета, по-

крытая сухими трещинами, узкая, надменная, самовлюбленная, презирующая тайно даже саму себя.

В будке Сидора пахло табаком (его не наказывали за курение), в уголке трещал радиоприемник, настроенный на шансон, а у ног вечно маялась серая кошка. Она жадно заглядывала в глаза посетителям. Иногда Саша приносил ей кусочек пирожка, но она не всегда его принимала.

— Сашок, я думал не придешь сегодня, — сказал Сидор. Он всегда так говорил.

— Готово или погулять еще?

— Сделал все. Вот тебе ключик.

Сидор протянул Саше сверкающий ключ. Саша сверил его со вчерашним — разные. Сидор улыбнулся:

— Не веришь мне, Сашок?

— Да черт тебя знает. Я сожгу твою будку, если засеку, что одинаковые точишь.

— Сашок, откуда у тебя бензин?

— Найду.

— Тогда найди его и подожги администрацию. Зачем тебе ключ, если у тебя есть бензин. Сашок, облей дверь и подожги. Только меня позови. Я хочу посмотреть, как тебя будут метелить дубинками.

— Какой это ключ? — спросил Саша.

— Как какой, Сашок? Ты что не считаешь? Это триста двадцать восьмой ключик.

— Сколько вариантов осталось?

— Всего ничего, Сашок. Тысяча сто три.

Сидор знал тысяча четыреста тридцать один вариант ключей по памяти. Один из ключей должен был открыть дверь в администрацию. Сидор смог убедить в этом Сашу. Вопрос только в том, какой это будет ключ по счету? Саша видел в этой загадке предмет для серьезного философского анализа, но книги из киоска не помогли ему разобраться в проблеме.

Допустим, сегодняшний ключ тот самый. Саша ворвался в администрацию и там у него все получилось. Допустим. Но что делать с ключами, которые не подошли? Они ведь жизнь Сашина! Его бесценные дни. Почему он должен ждать, пока Сидор наткнется на правильный вариант? Даже так: кто в ответе за то, какой вариант окажется правильным? Между сотым и сто десятым вариантом разница есть, но она невелика. Десять дней — это не страшно. Но что, если правильным окажется тысяча четыреста тридцать первый ключ? То есть последний в сидоровском реестре. Почему именно он последний, а не первый? От чего или кого это зависит? Сидор говорил, что он произвольно выбирает вариант на день. Раз так, выходит, что Сашина судьба зависит от настроения Сидора? Деда в вонючем пиджаке!?

— Вот деньги, — сказал Саша.

— Сашок, клади на верстак и иди уже, а то менты ходят, заглядывают. Спрашивают: почему Сашок заходит? На кофеек, говорю, заходит. А они говорят: по-

кажи кружку. А я говорю: Сашок кружку моет за собой. А в чем, они говорят, он ее моет? Воды-то нет...

— Ладно, не галди, — прервал его Саша и ушел, сжимая ключ в кулаке.

Пахло хлоркой. Невесть откуда взявшееся солнце залило пространство зала ожидания. Мокрая плитка под ногами сверкала, как зеркало.

Папа прижимал руки к лицу. Он плакал.

— Что? — спросил Саша.

Старик взглянул на сына, ничего не сказав. Он лишь вытер губы и улыбнулся.

Щелчок, голос: «Поезд номер...»

— Папа, что? — спросил Саша.

— Вот и дождался я, сынок, — ответил наконец-то старик. — А что жизнь? Дорога? Чепуха! Жизнь — это вокзал.

Папа посмотрел на загаженный голубями циферблат часов — он не светился. Время будто решило подождать пока они попрощаются.

Саша заговорил быстро-быстро. Он обещал папе, что скоро придет поезд, что лучшее впереди. Но папа поднялся на ноги и лишь взглянул на ботинки со сбитыми носами.

— Папа, ну что?!

Взметнулись голуби. Папа кивнул, поправил ремень брюк и пошел к «запасному выходу». Его плечи прыгали, как фальшивые. Саша вскочил на ноги, но подошвы отяжелели. Папа дернул ручку двери и шагнул в темень, не оборачиваясь.

Он не дождался поезда и ушел, бросив сына. Сын уже взрослый. Пусть ждет один, он был так убедителен, настаивая на своей зрелости.

Вечером, отдав последние деньги, Саша определил вещи в камеру хранения на нулевом этаже и постоял немного с ребятами у туалета. Он их не любил, но в этот вечер хотелось к людям, к людям любимым. Один из них читал реп о проблемах подростков, о расставании.

Парень со второго этажа повел в туалет привокзальную шлюху. «Может и мне?» — думал Саша. Он ни разу не отвел папу к медсестре — тоже деньги жалел. Как теперь на проститутку.

«Неужели я жадный?» — испугался Саша и понял, что да. Жадный. От этой мысли замутило. Может быть, если бы папа пил таблетки, то сегодня бы ему не пришлось уйти. «Почему папа ушел сегодня, а не завтра или вчера? Как выбирают дни для этого?»

— Чувак, на билет собираешь? — спросил сиплый парень у Саши.

Была такая байка: собери много денег и приобрети билет на ближайший поезд. Многие на это покупались. Секрет в том, что на ближайший поезд билет не купить. Цена на него растёт, как тростник.

— Нет, — ответил Саша и почувствовал, что пьянеет от очередного глотка.

— И че? И как? Ты тут вечно торчать собираешься?

— Нет, — повторил Саша.

— А как?

— Я администрацию захвачу.

Вокруг засмеялись. Саше понравился собственный тон. Еще он подумал, что если он и жадный, то все дело в обстановке. Это жизнь его сделал жадным. Человек — продукт обстоятельств. Эта мысль успокаивала.

— Какую администрацию, чувак?

— Ту самую. Видел табличка «администрация»? Вот я туда зайду и через систему связи потребую немедленно прислать поезд, понял? Поняли вы все?!

— А кто тебя подпустит к связи, чувак?

— У меня есть отряд! Мне народ поможет. А вы будете тут стоять вечно и мочой вонять, козлы горбатые.

Саша ушел. Ему казалось, что его догоняют. Из динамиков ревел реклама. На этот раз таблетки от воспаления суставов. А после, совершенно неожиданно, включили новую песню. Она понравилась Саше. Медленно шагая вдоль скамеек

с засыпающими пассажирами, он раскачивался в такт ритма песни. Было темно, тепло и печально. Это действовал алкоголь.

Саша вдруг понял, что ему действительно нужны помощники, раз он решил бунтовать. Кто ему поможет? Отчаянных всегда большинство — так учили книги.

Саша заметил Никиту, болтающего с девушкой. На Никиту надеяться не приходилось. По мнению Саши, Никита думал о наслаждениях чаще, чем о свободе.

Когда совсем стемнело, а свет еще не включили, Саша подошел к двери с табличкой «администрация», сунул ключ в замочную скважину, чуть-чуть повернул, и тут же вытащил. Сакральный щелчок тюкнул в пальцы, пробежался по кисти и рванул через руку прямо в сердце. Это был правильный ключ! Саша полностью не повернул, но почувствовал, что ключ тот самый!

Завыла реклама ритуальных услуг. Разволновавшись, Саша метнулся к окну. Он дрожал, холодно не было. Это несся поезд. В свете фонарей был виден его номер: «17». Сашин поезд. Он гремел в темноте, проявляясь под желтыми фонарями лишь угрюмой мордой с громадным номером, нарисованным красной краской. Саша вскрикнул и метнулся на улицу. Он первым шагнул на перрон и согрелся в потоке жаркого воздуха.

Спустя пятнадцать минут (стоянка была недолгой), Саша уже лежал на верхней боковушке поезда, набирающего скорость. Соседняя папина полка была занята каким-то седобородым стариком.

Саше принесли пахнущее порошком постельное белье. Внизу спала красивая девчонка в шелковых шортах. Можно было выпить чаю и покурить в тамбуре. Все люди в вагоне были незнакомыми. В суматохе посадки Саша видел глаза Никиты. Он смотрел на Сашу с высоты своего гигантского роста, не моргая. Из динамиков рвалась реклама детских книг. Люди целовались и держались за руки. Пахло углем.

«Ничего, дождется Никита своего поезда, — успокаивал себя Саша. — Как и все остальные, дождется».

Ему было спокойно. Показалось даже, что становящееся памятью ожидание было недолгим, а папа ушел потому, что не берег организм. Ел что попало и мало двигался.

— А когда ближайшая стоянка? — спросил Саша у проводницы. — Хочется под дождь выйти.

— Ждите. Заблаговременно объявим. И снег там, а не дождь.

«И правда, снег», — подумал Саша. И следом: «Куда я еду?»

Однако эту мысль не было сил разрешить. Хотелось спать. И Саша уснул, наблюдая, как снежинки летят то ли вслед за поездом, то ли ему навстречу.